

М. О. Гершензон

Грибоедовская Москва

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. О. Гершензон**
Грибоедовская Москва / М. О. Гершензон – М.: Книга по Требованию, 2021. –
145 с.

ISBN 978-5-517-99062-4

Издание 2

ISBN 978-5-517-99062-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемая книжка есть опытъ исторической иллюстраціи къ «Горе отъ ума», попытка представить возможно нагляднымъ образомъ уголокъ той подлинной, реальной дѣйствительности, которую Грибоѣдовъ, творчески преображая, изобразилъ въ гениальной комедіи. Матеріаль, служившій мнѣ для этого изображенія¹⁾, былъ въ высшей степени удобенъ, такъ какъ въ немъ обрисовывается тотъ самый кругъ московскаго общества, въ которомъ вращался Грибоѣдовъ, и какъ разъ за тѣ годы, когда Грибоѣдовъ наблюдалъ это общество. Мало того: этотъ матеріаль давалъ возможность раздвинуть рамку картины, представить и болѣе раннюю, предшеству-

¹⁾ Неизданныя семейныя письма Римскихъ-Корсаковыхъ, передачныя мнѣ покойной Н. А. Огаревой.

ющую стадію даннаго быта (эпоху Наполеоновскаго нашествія), которая, хотя въ комедіи и не изображена прямо, но какъ бы еще незримо наполняетъ ея атмосферу.

Извѣстно, что Грибоѣдовъ, создавая свою комедію, сознательно исходилъ отъ наблюденій надъ конкретной дѣйствительностью. Это удостовѣряется не только свидѣтельствомъ ближайшихъ къ нему людей, но и его собственнымъ признаніемъ — его извѣстнымъ письмомъ къ П. А. Катенину, гдѣ онъ категорически подтверждаетъ условную (художественную) портретность дѣйствующихъ лицъ своей комедіи. Но и не будь этихъ свидѣтельствъ, къ тому же выводу необходимо приводить изученіе самой комедіи. Такъ, только на основаніи внутренняго ея анализа Гончаровъ призналъ, что въ ней «въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній духъ, историческій моментъ и нравы... И общее, и детали — все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ «особымъ отпечаткомъ» Москвы».

Бытовой художественный образъ, каковы персонажи «Горе отъ ума», никогда не бываетъ ни точной копией дѣйствительности, ни чистымъ вымысломъ: онъ всегда — субъективная переработка конкретныхъ наблюденій, накопленныхъ художникомъ, самобытное созданіе, для котораго сырой матеріаль почерпнуть изъ дѣйствительности. Поэтому есть два способа приблизиться къ пониманію художественнаго замысла, руководившаго поэтомъ; прямой путь — это путь непосредственнаго изученія его образовъ и творческихъ средствъ; но цѣнныя услуги въ этомъ дѣлѣ можетъ оказать и косвенный путь — ознакомленія съ той дѣйствительностью, которая служила художнику прообразомъ его созданія. Самое малое, что мы можемъ добыть на этомъ второмъ пути, — осязательность минувшей жизни, непосредственное погруженіе въ ея бытъ и психику, — уже есть большая и притомъ самостоятельная цѣнность.

Еще въ концѣ Екатерининскаго времени впервые появляется передъ нами Марья Ивановна Римская-Корсакова. Блѣдной тѣнью мелькнетъ она разъ, другой на горизонтѣ московскихъ преданій, потомъ исчезаетъ, и вдругъ, въ двѣнадцатомъ году, точно озаренная московскимъ пожаромъ, предстаетъ уже вся живая — не безыменная фигура, а именно Марья Ивановна, которой ни съ кѣмъ не смѣшаешь; и затѣмъ время, подобно кинематографу, постепенно все болѣе придвигаетъ ее къ намъ, ея фигура, приближаясь, растетъ и растетъ, и вотъ въ 20-хъ годахъ она стоитъ предъ нами во весь ростъ, вся на виду до мельчайшей морщинки на ея молодомъ, но еще привлекательномъ лицѣ.

Трудно устоять противъ искушенія срисовать ея портретъ. Ея лицо такъ характерно въ своей непринужденной выразительности, и вмѣстѣ такъ ярко-типично, что она кажется скорѣе художественнымъ образомъ, нежели единичной личностью. Между тѣмъ она дѣйствительно жила, ея домъ въ Москвѣ понынѣ цѣлъ, и многіе изъ нашихъ знако-

мыхъ не разъ съ улыбкою слушали ея бойкую и умную рѣчь, въ томъ числѣ самъ Пушкинъ. Вяземскій писалъ о ней: «Марія Ивановна Римская-Корсакова должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостепріимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разныя увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками воспѣтая Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, были душою и прелестью этихъ собраній. Сама Марія Ивановна была типъ московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ значеніи этого слова»¹).

Вяземскій, Грибоѣдовъ и Пушкинъ знали ее уже въ ея поздніе годы. Вяземскій только отъ стариковъ слышалъ о томъ, какъ мастерски Марья Ивановна въ молодости исполняла роль фонъ-визинской Еремѣвны гдѣ-то на домашней сценѣ. Но князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, самый благодушный изъ русскихъ поэтовъ и самый романтичный изъ русскихъ губернаторовъ, былъ вхожъ въ ея домъ еще при Павлѣ. Онъ въ молодости страстно любилъ «театральную забаву», а у Марьи Ивановны часто устраивались домашніе спектакли, и вообще въ ея домѣ было весело; Долгоруковъ до старости съ умиленіемъ вспоминалъ ту зиму — уже въ началѣ царствованія Александра — когда онъ чаще всего выступалъ въ спектакляхъ Марьи Ивановны,

¹) Полн. собр. соч. кн. II. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 170.

и тѣ «веселости», которыми онъ наслаждался въ ея пріятномъ домѣ, ибо — «что болѣе заслуживаетъ мѣста въ воспоминаніяхъ нашихъ, какъ тѣ часы, въ которые мы предавались невиннымъ забавамъ и одушевлялись одной чистой веселостію?» Онъ рассказываетъ къ «Капищѣ моего сердца»¹⁾, какъ однажды въ ту зиму игралъ онъ здѣсь роль перваго любовника въ комедіи «Les chateaux en Espagne», при чемъ его партнершей была старшая дочь Марьи Ивановны; въ этотъ вечеръ уже многіе изъ зрителей знали, что онъ назначенъ губернаторомъ во Владимирѣ, онъ же этого еще не зналъ; а въ его роли были такіе два стиха, точно съ умысломъ рассчитанные на этотъ случай:

De quelqu' emploi brillant je puis me voir charger,
Et de nouveau peut-être il faudra voyager;²⁾

едва онъ произнесъ эти стихи, залъ огласился всеобщимъ рукоплесканіемъ: совпаденіе было слишкомъ забавно.

И дальше, повидимому, легко и весело шла жизнь въ домѣ Марьи Ивановны. Домъ былъ огромный, семья большая, и вѣрно много челяди. То было время, когда рѣдко хворали, когда мало думали, но много и беззаботно веселились, когда размѣры аппетита опредѣлялись шутливой поговоркой, что

¹⁾ Изданіе 2-е, Приложение къ «Русск. Арх.», 1890 г., стр. 151.

²⁾ «Я могу увидѣть себя облеченнымъ какою-нибудь блестящей должностію, и, можетъ-быть, снова надо будетъ мнѣ путешествовать».

гусь — глупая птица: на двоихъ мало, а одному стыдно, когда званые обѣды начинались въ 3 часа, а балы — между 9 и 10, и только «львы» являлись въ 11. Послѣднія двѣ зимы передъ нашествіемъ французовъ были въ Москвѣ, какъ извѣстно, особенно веселы. Балы, вечера, званые обѣды, гулянья и спектакли смѣнялись безъ передышки. Всѣ дни недѣли были разобраны — четверги у гр. Льва Кир. Разумовскаго, пятницы — у Степ. Степ. Апраксина, воскресенья — у Архаровыхъ, и т. д., иные дни были разобраны дважды, а въ иныхъ домахъ принимали каждый день, и часто молодой человекъ норовилъ въ одинъ вечеръ попасть на два бала. Балы и вечера у Марьи Ивановны были въ числѣ самыхъ веселыхъ. Современникъ сообщаетъ, что къ ней можно было прїѣзжать поздно, уже съ другого бала, потому что у нея танцовали до разсвѣта; и нравились ея вечера еще щедростью освѣщенія, тогда какъ въ другихъ домахъ съ одного конца залы до другого нельзя было различить лица. Въ эти зимы впервые явилась въ Москвѣ мазурка съ пристукиваньемъ шпорами, гдѣ кавалеръ становился на колѣни, обводилъ вокругъ себя даму и цѣловалъ ея руку; танцовали экосезъ-кадриль, вальсъ и другіе танцы, и балъ оканчивался *à la gresque* со множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парюю, и, наконецъ, бѣготней попарно по всѣмъ комнатамъ, даже въ дѣвичью и спальни¹⁾.

¹⁾ «Воспоминанія М. М. Муромцова», «Русск. Арх.», 1890 г., I, стр. 78—79; М. Евреиновъ «Память о 1812 годѣ», «Русск. Арх.», 1874, I, стр. 95.

Но вотъ внезапно ударила гроза, музыка рѣзко оборвалась, и танцоры въ ужасѣ заметались: французы перешли границу, французы идутъ къ Смоленску, Смоленскъ взять, — ужасъ и отчаяніе! Наполеонъ идетъ на Москву, надо бѣжать, куда глаза глядятъ.

У Марьи Ивановны въ это время были налицо всѣ ея дѣти — трое сыновей и пять дочерей. Всѣ они родились между 1784 и 1806 гг. Старшій сынъ, Павелъ, служилъ еще съ 1803 года въ кавалергардахъ; средній, Григорій, вступилъ въ службу также еще до войны, въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ; наконецъ младшій, 18-лѣтній Сергѣй, въ эти самыя дни, въ іюль, записался въ московское ополченіе. При Марьѣ Ивановнѣ оставались теперь только дочери: старшая, Варвара, въ это время уже вдова послѣ флигель-адъютанта А. А. Ржевскаго, павшаго при Фридландѣ, и три дѣвушки — Наталья 20 лѣтъ, и младшія — Екатерина и Александра; пятая дочь, по старшинству вторая послѣ Варвары, по имени Софья, была съ 1804 года замужемъ за московскимъ полицмейстеромъ А. А. Волковымъ и жила своимъ домомъ. Былъ еще живъ и мужъ Марьи Ивановны — Александръ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, по видимому, уже очень пожилой, служившій когда-то, въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, въ конной гвардіи, пожалованный Екатериною II въ камергеры, а теперь почти безвыѣздно жившій въ деревнѣ. Онъ былъ, говорятъ, очень богатъ, въ молодости красавецъ, но не очень уменъ; во всякомъ случаѣ, домомъ и дѣтьми твердо правила одна

Марья Ивановна. Сама она была урожденная Наумова, дочь Ивана Григорьевича, женатаго на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Голицыной. Въ 1812 году Марьѣ Ивановнѣ было, вѣроятно, 47—48 лѣтъ. Всѣ ея дѣти были рослые и красавцы, въ отца и мать, а дочери славились бархатными глазами¹⁾.

Черезъ три дня послѣ того, какъ въ Москвѣ было получено извѣстіе объ оставленіи Смоленска, 11 августа 1812 года, когда всѣ церкви стояли отпертыя, А. Г. Хомутова видѣла въ Благовѣщенскомъ соборѣ между другими своими знакомыми и Марью Ивановну Римскую-Корсакову²⁾ съ ея юношей-сыномъ Сергѣемъ, уже въ ополченскомъ мундирѣ; «она молилась за двухъ другихъ своихъ сыновей, уже нашедшихся въ арміи, изъ которыхъ одному суждено было вскорѣ погибнуть», т.-е. за Павла и своего любимца Гришу. Судя по тому, что послѣдняго его командиръ Дохтуровъ еще 29-го или 30-го августа отпустилъ изъ-подъ Можайска, гдѣ они стояли, на кратковременную побывку въ Москву³⁾, можно

1) О М. И., ея мужѣ и дѣтяхъ см. «Списокъ лицъ рода Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и кн. Дондуковыхъ-Корсаковыхъ съ краткими біографическими свѣдѣніями». Литограф. изданіе. Спб. 1893. — Сверхъ того, Д. Благово «Разказы бабушки». Спб. 1885, стр. 187. Неполный сводъ печатныхъ свѣдѣній — у Гастфрейнда, «Товарищи Пушкина», т. III.

2) «Воспоминанія», въ «Русскомъ Архивѣ», 1891 г., № 11, стр. 321.

3) «Письма Д. С. Дохтурова къ его супругѣ», «Русск. Арх.» 1874, I, стр. 1097, письмо отъ 30 авг. 1812 г. Три года спустя М. И., прося Гришу пріѣхать въ отпускъ домой, писала, что не видѣла его уже четыре года, т.-е. съ 1811, и прибавляла: «Одинъ день былъ со мной»,